

**Польское Январское восстание 1863–1864 гг.
на литовско-белорусских землях:
самосознание повстанческих верхов
в свете новых архивных поисков**

Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. Из архивных изысканий 2022–2024 годов. – М.: Институт российской истории РАН, 2024. – 256 с.

Борисёнок Юрий Аркадьевич

Кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация

E-mail: rodina2001@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4958-2799

Цитирование

Борисёнок Ю. А. Польское Январское восстание 1863–1864 гг. на литовско-белорусских землях: самосознание повстанческих верхов в свете новых архивных поисков // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 482–499. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.25

Рецензия поступила в редакцию 11.07.2024.

Аннотация

Высокая степень изученности многих проблем, связанных с польским Январским восстанием 1863–1864 гг., сочетается в современной историографии с наличием дискуссионных аспектов темы, связанных с самоидентификацией повстанческой верхушки на литовско-белорусских землях. Особый интерес в этом плане вызывают особенности личности и мировоззрения Константина Калиновского (1838–1864), объявленного советской историографической традицией «белорусским революционным демократом». Монография российского историка А. Р. Дюкова, основанная на неизвестных ранее исследователям документах из архивов России, Польши и Литвы, представляет обновленную доказательную базу, позволяющую точнее оценить самосознание лидера и идеолога повстанцев и его связь с польской исторической, культурной и религиозной почвой.

Автор анализирует и принципиально важную проблему, которую по идеологическим причинам избегали советские историки, – связь левого крыла повстанцев с польской аристократией, в том числе с князьями Чарторыйскими и влиятельной семьей Огинских. Помощь Калиновскому и связанным с ним повстанцам со стороны магнатской фамилии Огинских, владевшей информацией о личной жизни Александра II, тщательно утаивалась в Петербурге, в том числе и самим российским императором.

Ключевые слова

Российская империя, польское Январское восстание 1863–1864 гг., литовско-белорусские земли, К. Калиновский, историография, А. Р. Дюков.

Биография известного участника польского Январского восстания 1863–1864 гг. на литовско-белорусских землях Константина Калиновского (1838–1864) до сих пор представляет собой разносторонне сложную исследовательскую задачу. Усилия историков по реконструкции его персональных данных и идейных воззрений натываются на очевидный недостаток релевантных источников и тесно связанное с этим недостатком обилие мифологических конструкций разнообразного свойства. И все-таки личность этого человека, если подходить к ней с позиций исторической реальности, можно и нужно реконструировать по Александру Блоку: «Сотри случайные черты...» Тем не менее, мифология правит бал в текстах о Калиновском вот уже более ста лет, начиная с 1920-х гг., она въелась прочно и пронизывает усилия исследователей подобно сильному ветру, который и не думает прекращать завывать.

В историографии и публицистике на белорусскую тему до сих пор присутствует весьма своеобразный, но ощутимый культ личности Калиновского, проявляющийся крайне эмоционально в конструировании из него и героя, и антигероя¹. Преодоление этого культа личности лежит прежде всего в строгой объективности к имеющимся источникам и в архивных разысканиях, способных продвинуть

¹ Подробнее см.: *Борисёнок Ю. А.* Переулок Калиновского, или станция Полоцк вместо Полоцкого университета // *Русский сборник*. М., 2013. Т. XV. С. 401–419.

существующий уровень реального знания о персоне, идеях и деятельности казненного на 27-м году жизни повстанца.

Новая книга московского историка Александра Дюкова осознанно стремится перевести традиционно дискуссионные вопросы именно на твердую почву достоверных источников². В результате успешных архивных поисков 2022–2024 гг. выявлены ранее неизвестные историкам тексты Калиновского, хранящиеся в московских, санкт-петербургских, краковских и вильнюсских архивохранилищах: «Результатом проведенной работы стало обнаружение без малого полутора десятков ранее неизвестных документов К. Калиновского, а также атрибуция авторства нескольких документов, исследователям знакомых, но ранее с Калиновским прямо не связывавшихся. Некоторые из этих документов введены в научный оборот в предыдущих публикациях автора, однако весь комплекс выявленных документов публикуется впервые в настоящем издании»³.

Изложение в монографии разделено на две части, источниковую и исследовательскую. Первая часть книги представляет собой публикацию шестнадцати документов о жизни и деятельности Калиновского. Это 15 текстов на польском языке и одно обращение на белорусском языке латиницей, черновик обращения к папе римскому от лица белорусского мужика. 14 документов публикуются впервые, два были опубликованы ранее, но без атрибуции их принадлежности повстанцу. Таким образом, существенно расширяется корпус выявленных исследователями бумаг Калиновского: «общее число документов возрастает в почти в полтора раза, с 37 до 52, а количество известных автографов – в три раза, с 6 до 19»⁴.

Среди публикуемых документов особо выделяются обнаруженные в ГА РФ и Литовском государственном историческом архиве пять писем Калиновского, написанных им из виленской тюрьмы после его ареста 29 января 1864 г. и адресованных его возлюбленной Марии Ямонт и ее родным⁵. Не менее уникальны семь документов повстанца, выявленные в рукописном отделе Библиотеки Чарторыйских в Кракове, среди которых чрезвычайно любопытны два его письма от 11 и 13 января 1864 г. князю Владиславу Чарторыйскому (1828–1894),

2 Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. Из архивных изысканий 2022–2024 годов. М., 2024.

3 Там же. С. 9.

4 Там же. С. 11.

5 Там же. С. 91–108.

лидеру консервативного крыла польской эмиграции и главному дипломатическому агенту повстанцев за границей⁶.

Публикаторская часть книги А. Р. Дюкова весьма ценна для историков, занимающихся сходным кругом проблем. Монография не просто обильно иллюстрирована, иллюстрации здесь имеют большую самостоятельную ценность: «Автор считает принципиально важной публикацию фотоизображений документов; таким образом, в распоряжении коллег оказывается достаточно образцов почерка К. Калиновского, что делает возможным выявление новых ранее неизвестных автографов»⁷. Стоит надеяться, что выход в свет этой монографии позволит атрибутировать и другие документы повстанца.

Вторая часть монографии А. Р. Дюкова содержит семь источниковедческих очерков, написанных на основе информации опубликованных в первой части источников и содержащих их осмысление в первом приближении. В своей совокупности эти очерки представляют собой существенный шаг вперед по сравнению с опубликованными в 2021–2022 гг. книгами автора⁸ и его статьями по теме.

Первый и самый крупный очерк, занимающий в книге 32 страницы, посвящен «Письмам из-под виселицы» Калиновского, которые в свете новых архивных изысканий четко подразделяются на два вида. Опубликованные еще в 1867 г. А. Гиллером «Письма из-под виселицы» оказываются пропагандистским текстом, написанным еще до ареста. Настоящие же послания Калиновского из тюрьмы своей возлюбленной Марии (Марыльке) Ямонт, обнаруженные А. Р. Дюковым в ГА РФ в бумагах III отделения, по-новому раскрывают личность повстанца: «Наиболее известный из приписываемых ему текстов, изучавшийся даже в школах, оказывается мистификацией. Настоящие же письма из-под виселицы написаны не на белорусском, а на родном для Калиновского польском языке – и представляют собой не “национально-политический манифест” и “завет потомкам”, а обращения к любимой и Богу. Вместо плохо

6 Там же. С. 65–76.

7 Там же. С. 19.

8 Дюков А. Р. Неизвестный Калиновский. Пропаганда ненависти и повстанческий террор на белорусских землях, 1862–1864 гг. М., 2021; Дюков А. Р. Письма из-под виселицы Константина Калиновского, подложные и настоящие. Наброски к источниковедческому исследованию. М., 2022.

раскрашенного и безбожно отретушированного картона перед нами впервые предстает живой человек»⁹.

Автор подробно доказывает, что третья, самая известная и патетическая часть опубликованных Гиллером «Писем», начинающаяся словами «Братья мои, мужики родные! Из-под виселицы московской приходится мне вам писать, и, может, в последний раз»¹⁰, написана не в виленской тюрьме после 29 января 1864 г., как было принято считать ранее, а на воле, «не позднее декабря 1863 г., до ареста Калиновского»¹¹. До основания разрушить красивую легенду о несгибаемом революционере, пишущем в застенках пронзительное обращение к «родным мужикам» по-белорусски, позволяет обнаружение в Литовском государственном историческом архиве и ГА РФ описи текущей документации «аппарата Калиновского», в которой этот текст обозначен (причем по-русски, а не по-польски, как повсюду в описи) как «Образчик речи к временнообязанным». «Предсмертное» письмо известного по «Мужицкой правде» «Яськи-хозяина из-под Вильно» не было уникальным произведением и в тогдашней публицистике польских современников Калиновского на белорусском языке.

С исчезновением легенды судьба яркого небольшого текста, по мнению автора, становится гораздо прозаичнее: «...перед нами не предсмертное письмо белорусского революционера, в котором следует искать ключ к пониманию социальных и национальных требований белорусского народа эпохи падения крепостного права, не “национально-политический манифест”, не смысл белорусской национальной идеи и не “заповедь белорусскому народу”. Перед нами – мистификация, финальный эпизод пропагандистского сериала, начатого Калиновским и его соратниками летом 1862 г. и завершенного на исходе 1863 г. Вымышленный белорусский крестьянин Яська из-под Вильно умирает под пером Калиновского – чтобы в последний раз призвать мужиков к борьбе против “москалей” во имя польского дела (“как только узнаешь, что братья твои из-под Варшавы бьются за правду и свободу”). Смерть Яськи отражает авторское разочарование, порожденное безуспешными попытками поднять крестьян на восстание... Новые номера “Мужицкой правды” ничего не могли дать

9 Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. С. 111.

10 Giller A. Historia powstania narodu polskiego. Paryż, 1867. Т. I. S. 334.

11 Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. С. 124.

делу восстания (“польскому делу”), а вот смерть Яськи, его финальное письмо из-под московской виселицы – это, по крайней мере, было достойное завершение истории»¹².

Сам автор «предсмертного письма», по мнению А. Р. Дюкова, в момент его сочинения явно уходить из жизни не собирался: «Разумеется, работая над “образчиком речи к временнообязанным”, Калиновский и подумать не мог, что будет скоро арестован и казнен и что написанное им последнее письмо Яськи из-под Вильно будет более полутора столетий восприниматься как его, Калиновского, предсмертная записка. Реальность, однако, оказывается порой невероятнее любых мистификаций»¹³. Впрочем, не стоит исключать, что на тональность повествования могло повлиять и эмоциональное состояние самого Калиновского: опытный конспиратор в опасной для него ситуации конца 1863 г. не должен был исключать и свой вероятный арест, и вынужденную отстраненность от повстанческой деятельности. При таких обстоятельствах «смерть» лирического героя и прекращение пропаганды для крестьян от имени Яськи становились насущной задачей.

Отметим, что А. Р. Дюков остановился в итоге на двух из трех частей «Писем из-под виселицы». Относительно первой, самой объемной части, представляющей собой передовую статью на белорусском языке для нелегальной газеты в форме обращения к народу, автор согласился с мнением белорусских исследователей Г. В. Киселева и А. Ф. Смоленчука, резонно предположивших, что это сочинение было написано до ареста Калиновского. А. Р. Дюков развивает тему следующим образом: «Однако если текст был написан до ареста, то из тюрьмы на волю Калиновским он передан быть опять-таки не мог: при аресте все имевшиеся бумаги, разумеется, конфисковывались. Таким образом, получается, что первая часть “писем из-под виселицы” на самом деле не имеет к тюрьме и виселице абсолютно никакого отношения»¹⁴.

Возникает резонный вопрос: а как же со второй частью, опубликованным А. Гиллером стихотворением на белорусском языке из 20 строк, начинающимся словами «Марыська, чорнобрэва галубка мая»¹⁵? Это предсмертное стихотворное обращение того же Яськи

12 Там же. С. 128.

13 Там же. С. 129.

14 Там же. С. 117.

15 Giller A. Historia powstania narodu polskiego. T. I. S. 333–334.

в сочетании с третьей патетической прозаической частью традиционного воспринималось как тюремный текст Калиновского, отражающий его переживания накануне казни. В Марыське видели возлюбленную повстанца Марию Ямонт. В нынешних обстоятельствах логично усомниться и в написании стихотворения в виленских застенках, хотя текст такого объема мог быть передан подобно реальным письмам к возлюбленной Калиновского. Сразу отметим, что в реальных письмах любимую девушку зовут совсем не Марыськой, а Марылькой, Марылечкой¹⁶. Более того, помещенное в книге фото симпатичной Марии Ямонт¹⁷ никак не позволяет именовать ее «чернобровой». В стихах содержится обращение к лирической героине, к которой пылает любовной страстью с политическим уклоном лирический герой Яська.

Стихотворение Калиновского прямо перекликается с сочиненной его соратником, землемером из Берестовицы Феликсом Рожанским (1838 – после 1903) повстанческой песней на белорусском языке, впервые опубликованной в 1865 г. в Швейцарии в воспоминаниях адъютанта Валерия Врублевского, учителя математики из Белостока Игнатия Арамовича. Имеет смысл привести это произведение полностью на современной белорусской кириллице (в оригинале воспроизведено латиницей):

Ах, ты мая чарнабрыва,
Будзь здарова і шчасліва.
Люблю тебе, любіць буду
І ніколі не забуду.

Ой, у хаце не астацца,
Калі трэба ісці драцца
За радную, нешчасную
Польшчу, нашу маць святую.

Ой, свабода залатая!
Польшча наша, ты святая!
На варога косы маем,
Загуляем, як здужаем.

¹⁶ Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. С. 91, 93, 97, 101, 105.

¹⁷ Там же. С. 95.

Маскалі ўсё нам забралі,
У няволі нас трымалі,
Кроў нам нашу з жыл спусцілі,
Кроў і слёзы нашы пілі.

Тае сэрца, душа рвецца,
За свабоду біцца хчэцца.
Эх ты, мая чарнабрыва,
Будзь здарова і шчасліва¹⁸.

Единственное известное ныне стихотворение Калиновского похоже на творение его сподвижника Рожанского не только упоминанием «чернобровой». После обращения к девушке следует глубоко политизированный контекст. Заметим, что поэтическое творчество дается выпускнику Санкт-Петербургского университета тяжелее, нежели землемеру Рожанскому, песню которого, по отзыву Арамовича, с удовольствием горланили в 1863 г. в лесу «волковыские добровольцы». Петь хором в лесу стихи Калиновского, чем-то похожие на творчество современных мастеров рэпа, при всем желании не получится, а вот в политическом плане они, пожалуй, нейтральнее всех прозаических обращений «Яськи-хозяина из-под Вильно». Ни о «святой матери Польше», ни о Литве, о которой Калиновский пишет в реальных тюремных письмах любимой девушке, здесь вообще нет ни слова. Есть лишь абстрактные призывы к мужикам к свободе и борьбе (приводим их на современной белорусской кириллице):

Бывай здаровы, мужыцкі народзе,
Жыві ў шчасці, жыві ў свабодзе,
І часам спамяні пра Яську твайго,
Што згінуў за праўду для дабра твайго.

А калі слово пяройдзе ў дзела,
Тады за праўду станавіся смела,
Бо адно з праўдай у грамадзе згодна,
Дадждзешся, народзе, старосці свабодна¹⁹.

18 *Aramowicz I.* Marzenia: pamiętnik o ruchu partyzanckim w województwie grodzieńskim, w 1863 i 1864 r. Bendlikon, 1865. S. 22–23.

19 *Giller A.* Historia powstania narodu polskiego. T. I. S. 334.

Таким образом, вслед за проанализированными А. Р. Дюковым первой и третьей частями «Писем из-под виселицы» и вторую их часть надлежит считать сочиненной до ареста Калиновского и тесно связанной с заключительным их текстом лирическим героем Яськой, готовящимся умирать за мужицкую правду и свободу.

Несомненно, новая монография А. Р. Дюкова вызовет по прочтении ее специалистами и в особенности публицистами оживленную полемику. Если абстрагироваться от твердых защитников традиционных взглядов, не склонных ни при каких находках новых источников отказываться от привычной мифологии (такая позиция четко обозначена в самом названии статьи 2008 г. белорусского историка Анатолия Мясникова «И все же он герой»²⁰), то встает новая интересная научная проблема: а каков он на самом деле, этот «живой человек» Калиновский? Каково его идейно-политическое лицо с уходом личных моментов из «Писем из-под виселицы»? Книга дает возможность уточнить несколько существенных обстоятельств.

Четыре личных письма к Марии Ямонт позволяют однозначно поставить точку в мифологической конструкции, согласно которой Калиновского звали не Константином, а Викентием²¹. Полученное при крещении и использовавшееся в официальной документации двойное имя «Викентий Константин» в личном и повстанческом дружеском общении однозначно сводилось к польскому варианту «Konstanty». Именно так Калиновский подписывает все свои тюремные послания любимой девушке (от 27 февраля, 2, 6 и 7 марта 1864 г.)²², и точно так же его именуют в своих текстах соратник Ф. Рожанский и первый польский историк восстания А. Гиллер²³. Белорусизация имени в варианте «Кастусь» произошла с Калиновским уже после 1917 г., польское уменьшительно-ласкательное «Kostuś» в источниках до сего времени не выявлено, хотя вполне вероятно, что в детстве

20 Мяснікоў А. І ўсё ж ён герой // Беларуская думка. 2008. № 11. С. 104–110.

21 См., например: Гронский А. Д. Конструирование образа белорусского национального героя из участника польского восстания 1863–1864 гг. Викентия Константина Калиновского // Русский сборник. М., 2013. Т. XV. С. 193, 199.

22 Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. С. 93, 97, 101, 105.

23 Rożański F. Z województwa Grodzieńskiego // W czterdziestą rocznicę Powstania Styczniowego. Lwów, 1903. S. 396–397; Giller A. Historia powstania narodu polskiego. T. I. S. 176–177.

и в семейном кругу его так и именовали. В отношениях же с Марией Ямонт дипломированный юрист предпочитал подписываться полным именем, а вот любимая девушка удостоивается уменьшительно-ласкательных эпитетов.

Новые источники, по мнению автора монографии, позволяют также изменить исследовательскую оптику относительно системы взглядов повстанца. А. Р. Дюков резюмирует выявленные им изменения следующим образом: «Обнаруженные нами документы не подтверждают ни самоидентификации Калиновского как белоруса, ни его исключительного социального радикализма, ни особых симпатий к российскому “освободительному” движению. Все это – плод многократно наслаивающихся друг на друга историографических заблуждений. Документы свидетельствуют о том, что Калиновский был литвином (региональный извод польской идентичности), фанатичным католиком, лояльным Национальному правительству в Варшаве повстанческим руководителем (дружески переписывавшимся с лидером “белой” польской эмиграции князем В. Чарторыйским; в Литве же Калиновскому покровительствовало семейство крупных землевладельцев князей Огинских) и человеком, видевшим Польшу форпостом европейской цивилизации, а судьбу России – в колониальном освоении Азии»²⁴.

Отрицательная часть этой характеристики в главном справедлива, тезисы же о свидетельствах документов могут и должны подвергнуться углубленному анализу, как и мнение автора о репрезентативности публицистики Калиновского на белорусском языке: «...белорусскоязычная пропаганда для понимания мировоззрения Калиновского может использоваться лишь с огромными ограничениями. Дело в том, что если польскоязычную пропаганду Калиновский писал от первого лица, то белорусскоязычная в подавляющем большинстве случаев написана от лица вымышленного персонажа – пожилого крестьянина-униата Яьски, хозяина из-под Вильно. Соответственно, судить по “Мужицкой правде” о мировоззрении Калиновского – это даже не то же, что судить о мировоззрении Н. Г. Чернышевского по листовке “Барским крестьянам...”. Это еще абсурднее – все равно что судить о личности В. В. Набокова по “Лолите” (написанной, напомним, от лица вымышленного персонажа Гумберта Гумберта)»²⁵.

24 Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. С. 16.

25 Там же. С. 13.

При таком исследовательском подходе логично поставить вопрос: а зачем вообще литвину с польской идентичностью и «фанатичному католику» нужна была пропаганда среди крестьян на белорусском языке? Его соратник Ф. Рожанский в опубликованных в 1903 г. кратких воспоминаниях отметил вполне конкретные цели конспиративного кружка Калиновского, созданного после его приезда в Гродно в 1861 г. Этот фрагмент воспоминаний был существенно и намеренно искажен при переводе с польского в публикации в 1988 г. Институтом истории партии при ЦК КПБ сборника печатного и рукописного наследия Калиновского²⁶. На самом деле Рожанский писал о том, что «демократические принципы» членов кружка или «партии красных» предусматривали «подготовку народа к национальному восстанию против московского владычества», а восстание это, «предусматривая освобождение и ликвидацию барщины польско-шляхетским элементом, предполагало ликвидацию барщины через два года, в 1863 г.»²⁷. Впору усмотреть здесь именно «исключительный социальный радикализм», ибо отмена крепостного права в Гродненской губернии, в отличие от Царства Польского, уже состоялась, и ведомый энергичным Калиновским «польско-шляхетский элемент» задумал заново, путем восстания, и освободить крестьян, и ликвидировать барщину.

В таких планах вроде бы отчетливо усматриваются их изначальная несбыточность и неизбежное сопротивление им местных шляхтичей-землевладельцев. Но подобные призывы могли быть задуманы как тактический ход для привлечения к готовящемуся восстанию местных мужиков, отсюда и логичное использование в пропаганде на них белорусского языка. Если добавить сюда характерные для публицистики Калиновского намерения вернуть для местных крестьян «униатскую веру» в условиях, когда позиции православия через четверть века после упразднения унии на Полоцком церковном соборе 1839 г. были уже достаточно прочны, то логично назвать эти планы очередной «консервативной революцией». Как известно, молодой Энгельс в краткой речи 22 февраля 1848 г. в Брюсселе по случаю 2-й годовщины Краковского восстания высказался о польских «поисках утраченного» вполне здраво: «Скажем прямо: восстание 1830 г. не было ни национальной революцией [...], ни социальной или политической революцией; оно ничего

26 К. Калиновский. Из печатного и рукописного наследия. Минск, 1988. С. 159.

27 *Rożański F. Z województwa Grodzieńskiego*. S. 396.

не изменяло во внутреннем положении народа; это была консервативная революция»²⁸.

При этом надежды Калиновского и его круга на унию могли быть связаны и с региональной спецификой Гродненской губернии: Подлясье близко, а там уния в начале 1860-х гг. официально сохранялась и была упразднена только в 1875 г. Рожанский перечисляет в числе членов кружка Калиновского двух ксендзов, Яна Зажицкого и Игнатия Козловского; пропаганда возврата к унии могла быть и следствием советов католических духовных особ. Впрочем, о несбыточности радикальных планов повстанцев стоит судить с поправкой на их реальные практические ожидания. Рожанский вспоминал, что Калиновского и его соратников вдохновляла отнюдь не перспектива массового крестьянского восстания, к которому призывала его белорусскоязычная пропаганда. Такое восстание уже после начала повстанческих действий в Царстве Польском даже не готовилось: «в январе 1863 г., когда в Царстве вспыхнуло восстание, в Литве не было подготовки к вооруженному движению, ибо рассчитывали на интервенцию иностранных держав и откладывали вооруженное выступление до более удобного времени»²⁹.

Это мнение полностью соответствует выводам, к которым в процессе глубокой проработки темы иностранного вмешательства в польские дела накануне и по ходу Январского восстания пришел в своей монографии 2014 г. польский историк Мартин Вольневич³⁰. Эти слова хорошо знавшего Калиновского Рожанского, на наш взгляд, перспективны и при оценке контактов повстанца с князем В. Чарторыйским и аристократической фамилией Огинских – этим сюжетам А. Р. Дюков посвятил отдельные очерки. На самом деле ничего невероятного в переписке «красного» Калиновского с главным дипломатическим агентом повстанцев за границей нет, тем более в конце 1863 г., когда военные перспективы успеха повстанцев были уже крайне призрачны. Тон писем вполне деловой, его сложно назвать «дружеским», при этом эти письма повстанца князю наверняка не первые и единственные. И это переписка людей своего круга, ведь Чарторыйские, как известно, были в свойстве с Огинскими, чьи финансовые ресурсы,

28 Маркс К., Энгельс Ф. О польском вопросе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 492.

29 Rożański F. Z województwa Grodzieńskiego. S. 397.

30 Wolniewicz M. Moskwa ante portas: Rosja w polskiej propagandzie powstańczej 1863–1864. Poznań, 2014.

а конкретно сына знаменитого Михала Клеофаса Огинского Иренеуша, как считает А. Р. Дюков, использовались Константином Калиновским и его братом Виктором задолго до восстания в Петербурге: «именно благодаря деньгам Огинского братья Калиновские в Петербурге имели возможность снимать квартиры в престижных районах у Зимнего и Михайловского дворцов»³¹.

Интереснейшая тема о связях Огинских с братьями Калиновскими, состоявшими, по мнению А. Р. Дюкова, в дальнем родстве с супругой Иренеуша Огинского Ольгой Калиновской (1819–1899), несомненно требует дальнейшей исследовательской разработки. Фрейлина Калиновская, в которую страстно влюбился наследник российского престола великий князь Александр Николаевич, будущий Александр II, вместе с семьей породнившихся с ней Огинских стали объектами строгого умолчания в российской действительности XIX столетия. Выявленная по ходу восстания информация о тесной причастности Огинских к финансированию и конспиративным делам повстанцев была строго засекречена, здесь был бессилён и М. Н. Муравьев, а инициатива в полном сокрытии информации исходила лично от Александра II³².

Письмо же Калиновского В. Чарторыйскому от 30 декабря 1863 / 11 января 1864 г. представляет повстанца в доселе неизвестном его образе – поборника единства Речи Посполитой, предлагающего князю свои рецепты геополитического выхода из ситуации Январского восстания. Рецепты эти Чарторыйскому на практике пригодиться никак не могли, в тот период дипломатические интервенции по польскому вопросу со стороны западных держав, в том числе благосклонной к Чарторыйским Франции, уже завершились, и Российская империя могла решать судьбу мятежного Царства Польского самостоятельно. Но чрезвычайно любопытен ход мыслей Калиновского: после вооруженной борьбы с «москалями», на его взгляд, должно состояться выгодное обеим сторонам потепление российско-польских отношений: «Польша единоплеменная, свободная и благосклонная России выгодна»³³.

Перед нами еще одна из ипостасей Калиновского: в переписке с Чарторыйским он отнюдь не «сепаратист», а безусловный сторонник

31 Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. С. 180.

32 Там же. С. 180–184.

33 Там же. С. 70.

единой и неделимой, единоплеменной Польши в границах 1772 г., даже о Речи Посполитой с ее федеративными традициями тут речи не идет, нет здесь «речьпосполитовского патриотизма»³⁴, о наличии которого у Калиновского писал в 2021 г. А. Ф. Смоленчук. А вот в последнем предсмертном личном письме Марии Ямонт от 7 (19) марта 1863 г. о Польше уже нет ни слова, там эмоциональные вариации на тему начальных строк Адама Мицкевича в «Пане Тадеуше»: «Литва, моя отчизна». Самой пылкой любовью окрашено отношение к городу Вильно, удостоенному уменьшительно-ласкательного упоминания как «Виленько»³⁵. В страстном тексте о «родной моей Литве» находится место и объекту белорусоязычной пропаганды Калиновского, в польском оригинале это «nasz biedny ludek, co w pociot czoła, strasznej niewoli, Boga i prawdy zapomnieć nie umie». В монографии это место переведено как «наш бедный народец, который в поте лица, страшной неволе, Бога и правды не умеет забыть»³⁶. А. Р. Дюкову видится здесь покровительственная ирония; на наш взгляд, более адекватен перевод «наш бедный народушко», как в произведениях Н. С. Лескова, слова эти искренние, иронии и покровительства не содержащие.

Так какой же Калиновский настоящий, в каких текстах и действиях сокрыт «живой человек»? Монография А. Р. Дюкова и опубликованные в ней источники ставят перед исследователями немало новых непростых вопросов. Подбираться к их разгадке, на мой взгляд, стоит с реконструкции отзывов о повстанце, сделанных его современниками, не относившимися к нему пристрастно. Таковы Феликс Рожанский и Агатон Гиллер, использовавший в своей книге 1867 г. благосклонное мнение о повстанце хорошо знавшего его информатора (вполне возможно, что это Валерий Врублевский).

Гиллер в краткой характеристике Калиновского сделал исключительно важное наблюдение, исследователями до сих пор по достоинству не оцененное: «Константин Калиновский, главный, самый активный из всех в Литве организатор... Он имел удивительную способность действовать тихо, предусмотрительно, осторожно. Он ездил по Литве незамеченным москалями, личность свою скрывал сообразно обстоятельствам. В Белостоке, где он находился для поддержки распоряжений

34 Смоленчук А. Калиновский. Белорусский герой Январского восстания // Новая Польша. Варшава, 2021. С. 11.

35 Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. С. 105.

36 Там же. С. 105–106.

Духинского и доставления ему средств, он проходил повсюду, как можно меньше выделяясь, скажу так, словно какой-нибудь канцелярист из уездного суда. Это был замечательный патриот и замечательный характер»³⁷. Здесь удачно подчеркнута способность Калиновского к артистичному вживанию в обстановку, сокрытие своей личности сообразно обстоятельствам, пластичности и ситуативной переменчивости взглядов. И писарем из уездного суда он мог достоверно прикинуться, и защитником мужиков, и «красным» радикалом-повстанцем, и хладнокровным геополитиком в духе «единоплеменной Польши». И тем сложнее справиться с совершенно верно поставленной А. Р. Дюковым «насущной исследовательской задачей», которой является «написание основанной на максимально широкой документальной базе и свободной от мифов научной биографии Константина Калиновского»³⁸.

Источники и литература

Борисёнок Ю. А. Переулочный Калиновский, или станция Полоцк вместо Полоцкого университета // Русский сборник. М., 2013. Т. XV. С. 401–419.

Гронский А. Д. Конструирование образа белорусского национального героя из участника польского восстания 1863–1864 гг. Викентия Константина Калиновского // Русский сборник. М., 2013. Т. XV. С. 189–208.

Дюков А. Р. Неизвестный Калиновский. Пропаганда ненависти и повстанческий террор на белорусских землях, 1862–1864 гг. М.: Фонд «Историческая память», 2021. 160 с.

Дюков А. Р. Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. Из архивных изысканий 2022–2024 годов. М.: Институт российской истории РАН, 2024. 256 с.

Дюков А. Р. Письма из-под виселицы Константина Калиновского, подложные и настоящие. Наброски к источниковедческому исследованию. М.: Издательский центр фонда «Историческая память», 2022. 64 с.

К. Калиновский. Из печатного и рукописного наследия. Минск: Беларусь, 1988. 208 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 4. 616 с.

Мяснікоў А. І ўсё ж ён герой // Беларуская думка. 2008. № 11. С. 104–110.

³⁷ *Giller A.* Historia powstania narodu polskiego. T. I. S. 176–177.

³⁸ *Дюков А. Р.* Неизвестное документальное наследие Константина Калиновского. С. 16.

Смоленчук А. Калиновский. Белорусский герой Январского восстания // Новая Польша. Варшава, 2021. С. 3–11.

Aramowicz I. Marzenia: pamiętnik o ruchu partyzanckim w województwie grodzieńskim, w 1863 i 1864 r. Bendlikon: Drukarnia Ojczyzna, 1865. 84 s.

Giller A. Historia powstania narodu polskiego. T. I. Paryż: Księgarnia Luxemburska, 1867. 371 s.

W czterdziątą rocznicę Powstania Styczniowego. Lwów: Komitet Wydawniczy, 1903. 558 s.

Wolniewicz M. Moskwa ante portas: Rosja w polskiej propagandzie powstańczej 1863–1864. Poznań: Wydawnictwo Nauka i Innowacje, 2014. 282 s.

References

Aramowicz, I. *Marzenia: pamiętnik o ruchu partyzanckim w województwie grodzieńskim, w 1863 i 1864 r.* Bendlikon: Drukarnia Ojczyzna, 1865, 84 p.

Borisionok, Iu. A. “Pereulok Kalinovskogo, ili stantsiia Polotsk v mesto Polotskogo universiteta.” *Russkii sbornik*, vol. XV, Moscow, 2013, pp. 401–419.

Diukov, A. R. *Neizvestnoe dokumental'noe nasledie Konstantina Kalinovskogo. Iz arkhivnykh izyskaniy 2022–2024 godov.* Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2024, 256 p.

Diukov, A. R. *Neizvestnyi Kalinovskii. Propaganda nenavisti i povstancheskii terror na belorusskikh zemliakh, 1862–1864 gg.* Moscow: Fond «Istoricheskaiia pamiat'», 2021, 160 p.

Diukov, A. R. *Pis'ma iz-pod viselitsy Konstantina Kalinovskogo, podlozhnye i nastoiashchie. Nabroski k istochnikovedcheskomu issledovaniiu.* Moscow: Izdatel'skii tsentr fonda «Istoricheskaiia pamiat'», 2022, 64 p.

Gronskii, A. D. “Konstruirovanie obraza belorusskogo natsional'nogo heroia iz uchastnika pol'skogo vosstaniia 1863–1864 gg. Vikentiiia Konstantina Kalinovskogo.” *Russkii sbornik*, vol. XV, Moscow, 2013, pp. 189–208.

K. Kalinovskii. *Iz pechatnogo i rukopisnogo nasledii.* Minsk: Belarus', 1988, 208 p.

Marks, K., Engel's, F. *Sochineniia*. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955, 616 p.

Miasnikoŭ, A. “I ūsio ž jon hieroj.” *Bielaruskaja dumka*, 2008, No 3, pp. 104–110.

Smolenchuk, A. “Kalinovskii. Belorusskii geroi Ianvarskogo vosstaniia.” *Novaia Pol'sha*, Warsaw, 2021, pp. 3–11.

W czterdziątą rocznicę Powstania Styczniowego. Lwów: Komitet Wydawniczy, 1903, 558 p.

Wolniewicz, M. *Moskwa ante portas: Rosja w polskiej propagandzie powstańczej 1863–1864.* Poznań: Wydawnictwo Nauka i Innowacje, 2014, 282 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.25

Yu. A. Borisyonok

**The Polish January Uprising of 1863–1864
in the Lithuanian-Belarusian Lands:
The Self-consciousness of the Rebel Leaders
in Light of New Archival Searches**

Yuri A. Borisyonok

Candidate of History, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: rodina2001@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4958-2799

Citation

Borisyonok Yu. A. The Polish January Uprising of 1863–1864 in the Lithuanian-Belarusian Lands: The Self-consciousness of the Rebel Leaders in Light of New Archival Searches // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 482–499 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.25

Received: 11.07.2024.

Annotation

The large amount of existing scholarship on many problems related to the Polish January uprising of 1863–1864 is combined in modern historiography with the presence of controversial aspects of the topic related to self-identification of the insurgent elite in the Lithuanian-Belarusian lands. Of particular interest in this regard are the peculiarities of the personality and worldview of Konstantin Kalinovsky (1838–1864), declared by the Soviet historiographical tradition to be a “Belarusian revolutionary democrat”. The monograph by the Russian historian A. R. Dyukov, based on 16 documents previously unknown documents from the archives of Russia, Poland and Lithuania, presents an updated evidence base that allows for a more accurate assessment of the identity of the rebel leader and his connection with the Polish history, culture and religion. The author also analyzes an important problem that Soviet historians avoided for ideological reasons – the connection of the left wing of the rebels with the Polish aristocracy, including the Princes Czartoryski and the influential Oginsky family. Assistance to Kalinovsky and the rebels associated with him from the magnate Oginsky family, who possessed information about the

personal life of Alexander II, was carefully concealed in St. Petersburg, including by the emperor himself.

Keywords

The Russian Empire, the Polish January Uprising of 1863–1864, Lithuanian-Belarusian lands, K. Kalinovsky, historiography, A. R. Dyukov.